

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Баллаев

Б. де Жувенель. Власть. Естественная история ее возрастания (М.: Ирисэн; Мысль, 2010)

Появление на русском далеко не новой книги (1945 года издания!) маститого французского ученого неплохо вписалось в нашу отечественную политико-культурную ситуацию, в которой «возрастание Власть» вполне налицо, а результаты и последствия этого неясны и у многих вызывают серьезные опасения. Правда, подобные страхи и соответствующие предостережения чаще всего формулируются как забота о нашей тинейджерской демократии, меж тем как Жувенель-то этим не слишком озабочен. Даже и вовсе почти не озабочен. Согласно его подходу, Власть (т. е., собственно государственная власть – и с большой буквы!) возрастает и укрепляется при любой форме правления, и демократия в этом отношении ничуть не менее эффективна, чем самый гнусный тоталитарный строй. Власть – как власть государства – усиливается в течение веков столь неуклонно, что Жувенель называет это естественной историей. Власть и демократия прекрасно контактируют, а соображения о свободе, правах человека и тому подобных вещах свидетельствуют, по Жувенелю, о том, что людям хотелось чего-то более ценного и человеческого, чем типовая демократическая система. Он даже высказывает еретическую мысль о том, что представления о свободе и всяческой к людям гуманности не имеют прямого отношения к демократии как форме государственности, их как бы «прицепили» к одной для придания большей привлекательности. (Об этом в книге есть глава XIV, с названием «Тоталитарная демократия».)

Возрастание Власти как неустрашимый и непреодолимый процесс – это основная мысль книги, и оттого Бертрана де Жувенеля дез Юрсен люди некомпетентные даже записывают в анархисты, что неверно или неточно. Речь должна бы идти о разновидности классического либерализма в его политическом аспекте, об идее минимализации, ограничения государства или чем-то подобном. (О том, в чем видит Жувенель такие ограничения, мы поговорим немного позднее.) Впрочем, в этой книге с уважением упоминается Прудон, а Маркс и Энгельс с их представлениями о государстве, его классовой природе и будущем отмирании цитируются без каких бы то ни было опровержений. Вообще, все исторические и теоретические враги Власти для Жувенеля в этой книге суть союзники – от античности до XX века, от Катона до В.И.Ленина с его книгой «Государство и революция». Острота и горечь, с которой Жувенель проводит свою основную мысль через всю объемистую книгу, с бесконечными повторениями и усилениями, нуждаются в объяснении. Откуда они, в чем их вне-теоретический источник?

Объясняется все довольно просто. Автор работал над текстом во время Второй мировой войны, в эмиграции, на эфемерном нейтральном швейцарском клочке земли. Сражающиеся не один год миллионы для него являли собой прямое доказательство того, что Власть может делать с людьми что угодно. А естественный рост Власти, который видит в истории Жувенель, воплощается прежде всего и более всего в увеличении кровопролитий и учащении войн. Власть и рождается с войной, с завоеваниями. Она возрастает с увеличением военных расходов и численности постоянных армий, с обязательным военном призывом и практикой тотальных мобилизаций. Конечно, кое-что в этом плане – даже в гитлеровские времена – Жувенель относил только к возможному и маловероятному. Речь идет об обязательной или наемной воинской службе для женщин, что уже давно реализовано во многих государствах. Возможно, Власть способна и на бóльшие достижения, не предвиденные Жувенелем. Я думаю, что в смысле милитаризации как возрастания Власти Жувенель прав, как права таблица умножения, как не прав и идеологичен Кант со своим оптимизмом «вечного мира».

Итак, трактат Жувенеля вписан в грозную ситуацию 1940-х годов, хотя и лишен типичного, например, для «Диалектики Просвещения» Хоркхаймера и Адорно напряженного трагизма и

безысходности. Книга Жувенеля более приближена к социологии, истории, политологии, т. е. далека от историософии с ее обобщениями и эмоционально насыщенным строем мысли. Риторика, присущая французской литературной традиции, вовсе не исключает некоего внутреннего спокойствия и автора, и текста, что также заметно в творении Жувенеля. Он суров в оценках и Власти, и людей подвластных, но не лишен надежды. Кажется даже, что автор был либо полностью уверен в победе над фашизмом и возрождении его любимой Франции, либо писал (или хотя бы заканчивал) свое сочинение уже после освобождения.

Собственно теоретизирование у автора книги о Власти, в отличие от риторики, не слишком изощренное. Власть, по Жувенелю, рождается в глубокой древности от насилия, от завоеваний, чем и были заняты наши предки в общинно-племенной фазе существования. Рождаясь, Власть создает и общество, так как до появления государств, пусть в самом примитивном виде, человеческое общежитие было агрегативным, не соединенным в некое целое. Это, конечно, несколько агрессивное заявление, зато оно вполне вписывается в традиции европоцентризма, в идеологию французского колониализма и т. п. Ведь за этим невинным тезисом стоит, ухмыляясь за кулисами, отказ живым людям, живущим в африканских или южноамериканских джунглях, в статусе «полноценного человека», «члена общества», раз общества-то у них нет, только племя! На самом деле это положение Жувенель вовсе не акцентирует, ему важна роль войны, завоеваний в создании государств и Власти, а гигантскую часть человеческой истории он отбрасывает почти походя, с презрением цивилизованного европейца. Это всегда довольно противно.

Власть нужна людям, чтобы повелевать, навязывать другим свою волю. В этом суть Власти и свойство человеческой природы, оно неотъемлемо от этой природы, которая всегда эгоистична. На общие интересы ей плевать, собственное могущество и возможность использовать человеческую склонность к повиновению в своих эгоистических целях ее никогда не оставляют. Правда, Жувенель признает, что Власть привыкает, т. е. может привыкнуть, в какой-то мере эти интересы учитывать (чтобы не побудить людей к сопротивлению!), и привычка может перейти в привязанность и даже, смешно сказать, в любовь. Однако эта перспектива им подробно не

прописывается, да это и затруднительно, так как общая трактовка Власти остается почти полностью негативной. Объясняет транс-историческое существование Власти привычка и любовь «низов», «масс», «народа» к повиновению. Люди вообще любят деспотизм, их бунты и протесты всегда совпадают с периодами упадка и слабости Власти, а при сильных и харизматичных правителях в обществе сохраняется спокойствие и порядок.

Последнее положение объясняет подход Жувенеля к проблеме революций. Революционные события и неизбежные при том преобразования непосредственно вызываются, кроме всего прочего, слабостью и нерешительностью правителей, среди коих фигурируют Карл Первый, Людовик XVI и Николай Второй. Фундаментальная историческая вина этих персонажей состоит в том, что они были не в состоянии решить проблемы «возрастания Власти», которые жизнь уже поставила. Не важно, что о себе полагали революционеры, борцы за свободу и обеспечивающие их мыслями и лозунгами идеологи. Значимо и существенно то, что результатом революционных актов и побед постоянно оказывается решительное «возрастание Власти», маркированное всем известными именами Кромвеля, Наполеона и Сталина, но не только ими.

Наиболее подробно этот процесс Жувенель, естественно, рассматривает на материале французской истории, да и в целом, кстати сказать, книга выглядит как назидательное послание из Франции, о Франции и, в конечном счете, для Франции. Видимо, на этом этапе своей карьеры Жувенель был еще далек от геополитического и космополитического размаха Римского клуба, членом которого он стал в конце жизни. Однако это не мешает автору проводить поучительные экскурсии в политическую историю Франции и Англии (третий неперемный участник близких по тематике текстов – Германия – у Жувенеля почти исключен, что и понятно, так как война еще не кончилась). Остального мира, как мы уже отмечали, для Жувенеля почти не существует, т. е. о нем не упоминается, кроме, разумеется, античной истории, столь существенной для французского гуманитарного образования. Это сужает горизонт, если можно так выразиться, и немножко смешит.

Здесь самое время указать на исторические варианты «ограничения» Власти, что очень важно для Жувенеля и о чем он не устает напоминать. Согласно историческим иллюстрациям и пря-

мым утверждениям автора, во все времена сопротивление «возрастанию Власти» оказывали духовные и социальные институты, которые защищали не общее благо как таковое, а благополучие тех групп, которыми руководили. Жувенель не доверяет концептуальным обоснованиям социального атомизма, особенно применительно к историческому прошлому. Люди живут, объединенные в различные группы, роды, фратрии, общины, племена, у которых непременно есть свое руководство, своя маленькая власть, власть с маленькой буквы. Они не растворяются в государственной администрации, их роль в истории скорее оппозиционна, они сопротивляются централизации управления и связанным с ней процессам.

Имеются в виду церковные организации, национально-территориальные общности, всякого рода «местные» власти. «Напрасно религию изгнали с политической сцены», – так просто формулирует это Жувенель для наших дней (с. 469). И все же с наибольшей грустью и, одновременно, энтузиазмом он пишет об авторитете аристократии, успешно сопротивлявшейся монархам почти во всей истории Англии и не сумевшей этого проделать во времена французского абсолютизма. Ах, как было прекрасно, когда монарх не имел постоянной армии и не мог воевать, сколько бы ему этого ни хотелось! Нужна была армия либо наемная, либо собранная местными властями, и на определенный срок. Удачна также английская версия финансовых пут, которыми парламент постоянно стреноживал ретивых английских королей, а вот тиран Кромвель на какое-то время выбился из традиции, разогнал парламент, держал при себе постоянную армию и оставил ее после себя. И постепенно все это выровнялось так, что только государства стали содержать миллионные армии и одновременно играть роль всеобщего распорядителя и заступника, а в обществе господствует «исключительная предрасположенность быть управляемыми...»

Симпатия Жувенеля к аристократии понятна, он не случайно напоминает о своем предке Жане Жувенеле, отличившемся в борьбе арманьяков с бургиньонами. Но предки уж сами собой, а автор книги о Власти действительно принадлежал к высшему социальному слою Франции XX столетия. Он знал «натуру» описываемого класса, вполне жизнеспособного и в наше время, как бы далеко эта публика ни ушла хотя бы от прустовских Германтов. Впрочем, Жувенель достаточно реалистичен, чтобы просто отнести к ари-

стократии всех «богатых и независимых», так как в результате революций этот класс существенно пополнялся дорвавшимися до собственности и Власти новыми людьми. Так, он упоминает торговцев с Вест-Индией, прибравших к рукам реквизированную Генрихом VIII церковную собственность, или спекулянтов времен Директории и первой империи, приватизировавших крупные земельные владения эмигрантов. Трудно точно сказать, какой он видел любимую аристократию в середине XX в., когда писал свою книгу, но что-то он все-таки имел в виду. Это наглядно представлено в другой книге Жувенеля – «Этика перераспределения» (1950), где моральные и не очень моральные критические стрелы направлены против того же государства, затеявшего это перераспределение в пользу малоимущих.

И все же стоит быть благодарными и переводчикам, и издателям этого содержательного, немного простодушного трактата. Я, во всяком случае, благодарен. Ведь кто только не писал о Власти! Сколько следов оставили Шопенгауэр, Ницше, в последние десятилетия Фуко! Мне кажется, Бертрану де Жувенелю в этой многоголосице удалось высказать и донести до читателя негромкое, но трезвое и разумное слово. Я бы его расшифровал как призыв не доверять Власти, которая во все времена всего более озачочена своим собственным ростом и укреплением, что бы она ни говорила вопреки этому и даже что бы она иногда вопреки этому ни совершала.